

МАТЕРИАЛЫ САМИЗДАТА

Выпуск №35/82

29 октября 1982 г.

АС ММстр.

4743. Анонимный автор. "Семь вопросов и ответов о Русской Православной Церкви" (Москва, 1982). 35
4744. Борис Гулько, Анна Ахшарумова, отказники. "Открытое письмо шахматистам мира" о намерении с 20.10.82 объявить голодовку до получения выездных виз (Москва, август 1982). 1
4745. Валерий Сойфер, профессор; Нина Яковлева, врач. Обращение к шахматистам мира "Поддержите Гулько и Ахшарумову!" (Москва, август 1982). 1
4746. В.Сойфер, Н.Яковлева. Обращение к шахматистам мира и всем людям с просьбой поддержать Б.Гулько и А.Ахшарумову, Москва, август 1982. 1
4747. 4 Группы доверия (Москва, Ленинград, Одесса, Новосибирск). "Открытое письмо... независимым пацифистским организациям Европы и США" с предложением собрать конгресс в Москве осенью 1983 (м.б. Москва, 8.10.82). 2

АС №4743. Анонимный автор. "Семь вопросов и ответов о Русской Православной Церкви" (Москва, 1982).⁺

СЕМЬ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ О РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

1. Как вы оцениваете сегодняшнюю церковную ситуацию?

Я считаю, что в настоящее время Русская Православная Церковь /РПЦ/ пребывает в состоянии кризиса. Этот кризис имеет две стороны – внешнюю и внутреннюю. Внешняя состоит в том, что Церковь вынуждена существовать в атеистическом, более того – богоборческом государстве, которое постоянно заявляет в открытую, что его цель – полное и окончательное уничтожение религии. Это государство подчинило в настоящее время РПЦ жесткому и жестокому контролю; насильственно закрыло и удерживает закрытыми подавляющее большинство храмов, монастырей и духовных школ; препятствует своевременному, достаточному и правильному формированию кадров духовенства; поставило под свое тотальное влияние и в значительной мере подкупило большинство епископата, сформировав его согласно своим нуждам и понятиям. РПЦ не имеет своих свободных печатных органов, вообще не издает никакой религиозной литературы /не имеет возможности/; Св. Писание, молитвенники и богослужебные книги издает небольшими тиражами, недоступными для простых верующих обычным путем.

Государство постоянно вмешивается во внутренние дела Церкви; оно навязало ей принятие так называемого "Синодального постановления" Архиерейского собора 1961 г., абсурдного по своей сути /передача дел внутреннего административно-хозяйственного управления церковной общиной от священника двадцатке мирян/; требует противозаконной регистрации крестин и других церковных

⁺Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. См. "Журнал Московской Патриархии", 1961, №8:15-17.

треб; не признает за церковной общиной права юридического лица; конституционно отрицает за Церковью право "на пропаганду", сохраняя его для атеистов; оно препятствует верующим воспитывать в религиозном духе своих детей; категорически запрещает законодательством благотворительную деятельность, а также какие бы то ни было кружки верующих – будь то библейские, детские, юношеские, женские, по изучению веры или даже любой светской дисциплины. Последним обеспечивается разобщенность и дезориентированность православных кругов в стране, которые, по сути дела, существуют на полулегальном положении. В стране вообще невозможны какие бы то ни было церковные организации, даже такая, на первый взгляд естественная, как, например, совет объединенных приходов; вообще все существование верующих в Церкви атеистические власти хотят свести к пребыванию "внутри стен храма".

Внутренняя сторона кризиса состоит в том, что сама РПЦ не использует, то есть, видимо, не может использовать, не в состоянии использовать даже те возможности, которые ей предоставлены. Государство поставило епископат под жесткий контроль и подкупило его – но ведь епископат дал поставить себя под контроль и подкупить. У нас мало храмов и монастырей, но и в тех храмах, которые открыты, огромное большинство священства либо вообще не производит проповедей, либо делает это, скажем откровенно, плохо. Те немногочисленные монастыри, которые мы имеем, могли бы "брать качеством" – одна только Оптиная пустынь в прошлом веке определяла духовную атмосферу существенной части русского общества. Наши монастыри не соответствуют этим требованиям. Мы имеем две духовные академии и три семинарии. Для 260 миллионов это вообще ничто. Тем более блистательных пастырей они должны были бы выпускать. Должны были бы, но не выпускают. Наконец, уровень тех немногочисленных и худосочных журналов, которые разрешено выпускать Московской Патриархии /"Журнал Московской Патриархии" и "Православный вѣстник"/, весьма невысок, и это уже не вина безбожников /эта характеристика не относится к "Богословским трудам"/.

Наконец, духовенство почти совсем не работает с прихожанами, особенно с тем большим числом новопришедших, которое все продолжает расти последние годы. Даже если причина этой пассивности - запуганность, для пастырей она никоим образом не может служить оправданием; но, к сожалению, создается впечатление, что все наоборот - причина состоит в пассивности священства, а "запуганность" лишь оправдывают эту пассивность. Вместе с этой пассивностью воистину бич многих священников - консерватизм в обрядности и богомыслии, какая-то удивительная боязнь религиозного творчества, не говоря уже о страхе перед братскими христианскими исповеданиями, боязнь любых, даже самых разумных заимствований и обновлений, вообще общая косность, грозящая со временем вырождением русской церковности в этнографическую. Печальнее всего, что эти косность, традиционализм и этнографизм легко подхватываются многими новообращенными, еще вчера "критически мыслящими интеллигентами" или кем-то подобным.

Вместе с тем, оценивая сегодняшнюю церковную ситуацию все-сторонне, следует подчеркнуть, что РПЦ за период 1917-1943 и в меньшей степени 1960-65 гг. претерпела столь страшные, жестокие и планомерные гонения, что остается, говоря житейским языком, лишь удивляться ее жизнеспособности. Несмотря на физическое уничтожение основной части священноцерковнослужителей и мирян, на эмиграцию или высылку значительного числа выдающихся богословов и священнослужителей, разгром школ и монашества, уничтожение крестьянства /т.е. носителей народной "традиционно-естественной" религиозности/, разрушение огромного количества храмов и монастырей, введение волчьих антицерковных законов, систематическое оболванивание населения "научно-атеистической" ахинеей, наконец, несмотря на растерянность самой РПЦ и раскол внутри нее в годы гонений /обновленцы, григорианцы и т.д./, Русская Церковь, как только ей была предоставлена возможность, оказалась способной восстать из пепла, сохранила неприкосновенной апостольскую и учительную преемственность, sacramентальную часть и даже дух противостояния - пусть пассивного - безбожному режиму. Когда с конца

60-х годов в РПЦ начался все растущий в настоящее время приток молодых сил, она, несмотря на все ее вышеперечисленные недостатки, оказалась в состоянии принять серьезно ищущих и ответить серьезно вопрошающим.

Следствием чего явилось безусловное повышение авторитета и прёстижа РПЦ в обществе вообще и в образованной его части в особенности. Вообще об этом приходе следует сказать отдельно. Вот уже свыше десятилетия как представители самых разных социальных групп и категорий, не останавливаясь, идут и идут в РПЦ, причем число новообращенных возрастает в геометрической прогрессии. Какими бы причинами ни руководствовались иные из этих людей, сам по себе факт безусловно свидетельствует в пользу Церкви, хотя, разумеется, объясняется силой и величием Христа, а не высоким уровнем нашей современной церковности /этот уровень, повторяю, пока недостаточно высок, и приход в Церковь осуществляется вопреки, а не благодаря ему/. Впрочем, каков бы ни был уровень церковности каждой конкретной Поместной Церкви в каждый конкретный исторический момент ее бытия, к счастью, в Церковь нас всегда принимает Иисус Христос, а уж потом община, пресвитер, епископ...

2. В чем, на ваш взгляд, заключаются причины сегодняшнего положения Церкви?

Это чрезвычайно сложный вопрос. Проще всего было бы ответить, что причины сегодняшнего кризиса – во вчерашних гонениях безбожной власти, а также и в том, что и сейчас Церковь в нашей стране, по сути дела, поставлена в положение, когда ей остается лишь выживать до лучших времен. Поэтому, мол, она и держится за архаичное богослужение, чисто обрядовую сторону церковной жизни, поэтому боится активного воздействия на массы, стремясь пока что сохранять хотя бы возможность совершать таинства. Но, во-первых, такой ответ, объясняя слабость РПЦ во многих аспектах современной церковной жизни и консерватизм большинства ее представителей /культовый и богословский/, никак не проясняет, почему епископат дал себя подкупить в прямом смысле слова, почему священство столь

пассивно даже в том, что ничем ему не грозит, почему многих мирян /даже из новообращенных/ столь быстро начинает устраивать традиционное обрядовое благочестие /или "благочестивое" обрядоверие?/ и богословствование, почему их так пугает любое религиозное творчество новых форм /разумеется, на основе старых/. Кроме того, этот ответ не объясняет, отчего РПЦ в целом не использует даже тех возможностей, которые имеет.

Наконец, этот ответ проходит мимо того вопиющего факта, что пресловутая безбожная власть возникла в государстве, где РПЦ в продолжение многих веков являлась духовным стержнем основной части общества; именно в ее руках находилось дело нравственного воспитания народа, и если это дело принесло столь плачевные плоды, как торжество атеизма в народных массах, приходится ли нам обвинять безбожников? Кто виноват: стадо или пастыри?

Вот почему мне думается, что на вопрос о причинах сегодняшнего положения РПЦ однозначно ответить почти невозможно. Разве что в нескольких томах. Однако, поскольку каждый из нас имеет какие-то личные соображения на этот счет, я просто попытаюсь поделиться своими, подчеркнув только, что отсутствие места вынуждает меня раскрывать лишь выводы, следствия размышлений, но не ход самих этих размышлений, как таковых.

Современный кризис Русской Православной Церкви коренится в целом ряде важных факторов российского прошлого. Это:

- особенности принятия и существования христианства в России;
- особенности русского национального характера и душевного строя;
- особенности православия вообще и русского православия в частности;
- особенности вопросов, волновавших Русскую Церковь и русское общество.

Вполне осознавая, насколько серьезны поставленные здесь пункты, я все же попытаюсь теперь раскрыть каждый из них так, как это понимаю, не вдаваясь в многочисленные частности, каких, конечно, весьма много и которые гораздо более серьезны и

значительны, чем это может показаться на первый и даже на второй взгляд.

Едва ли не основной причиной всех исторических и современных "минусов" Русской Церкви, а следовательно и русского общества, я считаю совсем недавнее принятие Россией христианства. Лично для меня "корень всех бед России" именно в этом... но именно в этом и надежда на будущее /и всегда наличествующее в потенции/ возрождение и Русской Церкви, и русского общества, и России. Ибо позднее принятие Русью Христова благовестия – не вина страны, даже не беда ее, но просто – объективный исторический факт, который всегда следует учитывать и иметь в виду.

Под особенностями существования христианства в нашей стране я подразумеваю тот факт, что в России не только был в первое время осуществлен, как и во всех других странах, компромисс с язычеством /и в этом смысле константиновскую эпоху, видимо, следует именовать эпохой не христианских царств, но христианизированных царств и народов/, но и то, что этот компромисс, именно в силу позднего принятия христианства вообще, существовал чрезвычайно долго – практически до нашего времени. Россия всегда была христианизированной, а вовсе не христианской страной. И это опять же не вина, не беда, а объективный факт; кроме того, подобную характеристику можно отнести далеко не только к одной России и далеко не только к странам православной культуры.

И второе. Если поначалу церковнославянский язык и облегчал понимание Св. Писания и богослужения /хотя и здесь таились свои соблазны: ведь наличие латинского, или, например, арабского языков не исключает глубокого понимания теми или иными католиками или мусульманами Библии или Корана/, то со временем он, наоборот, превратился в своего рода барьер между народом и Словом Божиим. На современный русский язык Библия была переведена лишь около ста лет назад; таким образом, если может идти речь о христианизации России, то о евангелизации нашей страны и населяющих ее народов почти и говорить-то не приходится. Исключая отдельных христиан, каковые были на нашей земле в X, равно как и в XX

веке, русская масса в своей основе до сих пор почти не евангели- зирована. Когда же она пыталась "самоевангелизироваться", то, как и в других странах, это приводило к возникновению сект и ере- сей.

Прежде чем перейти к особенностям русского характера, сле- дует оговорить, что в понятие "русские" я включаю все три ветви восточнославянского племени /белорусов, великороссов и украин- цев/ и всех, хотя бы частично /на уровне языка, быта, культуры, образа мышления, крови, даже только среды проживания/ русифици- рованных представителей иных народов - в первую очередь евреев, затем немцев, поляков, угро-финнов, кавказцев, татар и т.д., ка- ковые неизбежно, хотя и незаметно для себя, наследуют - таково мое личное убеждение - основные архетипы русской "психеи", не- сомненно сочетающиеся в самых разнообразных структурах с собст- венными национальными архетипами и всем этим в целом постоянно обогащая "общерусский" или российский тип. Иными словами, под русскими в широком смысле слова я понимаю не только "белоку- рых-славян-великороссов-православных", как под американцами под- разумеваются не только "белые-англо-саксы-протестанты".

Сделав такое вступление, остается объяснить, что же пони- мается под особенностями российского национального характера и душевного строя, вернее, какие их черты оказали влияние на фор- мирование русской религиозности, русского благочестия и Русской Православной Церкви.

На мой взгляд, таких основных черт две. Первая - националь- ная специфика русской /или, если угодно, российской/ души и ха- рактера заключается в неумении идти средним путем, в постоянном бросании в крайности. Это то, о чем писал в конце XVII в. тонкий наблюдатель России, хорватский католический священник, русский писатель и предтеча позднейшего славянофильства Юрий КРИЖАНИЧ: "Не умеют наши /русские/¹ люди ни в чем держаться меры² и идти средним путем, а всегда плутают в крайностях и погибелях" /"Бе- седы о правлении"/³. Эта черта, признаваемая и многими отечествен-

1. Добавлено самиздат. автором.

2. Подчеркнуто самиздат. автором.

3. Юрий Крижанич, "Политика", М., 1965, с.496.

ными мыслителями, и иностранцами, связана, видимо, в том числе и с какой-то глубокой внутренней закомплексованностью, неуверенностью в себе, в свою очередь вызванной как раз предыдущим фактом позднего приобщения к христианству, т.е. и к мировой цивилизации. "Нет у нас природной бодрости /духа/¹ и некой благородной и славной осанки или дерзости и воодушевления, чтоб мы с достоинством относились к самим себе и к своему народу", - восклицает с горечью тот же КРИЖАНИЧ². Именно поэтому, как мне кажется, россияне /из великороссов или украинцев, евреев или татар.../, обращаясь к православию, готовы принимать его в любых самых косных и консервативных формах, подменяя живого Иисуса этнографизмом или культом Отцов Церкви, покорно принимая сергианскую /а вовсе не иосифлянскую, кстати/ доктрину о подчинении любым властям, враждебность к инославным и страх перед новыми формами религиозно-церковной жизни, - иными словами, принимая традицию, они принимают ее, как правило, в крайней форме и некритически.

Именно поэтому же россияне, не удовлетворяясь существующей формой церковности или осознав многие недочеты современной им Церкви, из-за того, как писать имя Иисус, могут уйти в раскол, или по любым иным причинам /и важным, и неважным/ переходить в соседние исповедания христианства - только не оставаться там, где их поставил Господь, ибо последнее требует упорного, повседневного, незаметного и даже "серенького" труда.

Именно Россия дала наиболее яркие проявления религиозных самоубийств /самосожжение старообрядцев/, которые оправдывались их апологетами именно нетерпением и жадой решительных действий: "Как уже сгорел, ото всего уже ушел!" Иначе придется "и поститься, и кланяться, и молиться; а если в огонь - тут и все покаяние: ни трудись, ни постись, разом в рай вселись; все-то грехи очистит огонь" /Старец ЕВФРОСИИ, "Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей", 1691 г./³. И наконец, только Россия породила такое явление, как христианская /!/ секта скопцов.

1. Скобки пропущены самиздат. автором.

2. Там же, с.495.

3. Цитата не проверена.

Вторая черта, на мой взгляд не менее важная, берет начало в специфике славянской общины с ее всеобщим равенством / в отличие от романской и германской, где изначальное неравенство требовало тщательной кодификации внутриобщинных отношений/. Этот фактор в дальнейшем обусловил недоразвитость в восточнославянских обществах таких понятий, как общественный договор, права личности и т.д. Нас интересует здесь следующее: аморфность общественного сознания и неразвитость идеи личной ответственности /перед Богом за общество и перед обществом за Бога и ближнего/. Отсюда опять же легко осуществляемый уклон в некритический традиционализм или любую форму инославия с одной стороны, с другой же - стремление подменять личные отношения со Христом внутри своей Церкви /а всякие личные отношения подразумевают и известный юризм и ответственность/ эстетизмом, обрядолюбием, "красотой", утонченностью - в том числе и утонченным аскетизмом, либо любым "идеологизмом", будь то защита старины, восхищение римской вселенскостью или протестантской общинностью.

Под особенностями православия вообще я разумею в данном случае: а/ отсутствие замкнутой догматической /можно даже: рационализированной/ системы; б/ отсутствие единоначалия в Восточной церкви, существующей, несмотря на всеобщее признание первенства за константинопольским патриархом, в виде целого ряда Поместных Церквей. Оба пункта имеют и свои сильные, и свои слабые стороны. Будучи православным, я верю в эти сильные стороны, вижу их и принимаю. Будучи православным же, я не могу не отметить и слабых сторон этих пунктов, тем более, что именно они, как мне кажется, повлияли на современную кризисную ситуацию в РПЦ.

Отсутствие четкой догматической системы может приводить - и приводило в Византии, и трагически привело в России - к путанице в вопросе о том, кому принадлежит высшая административная и даже догматическая власть в Церкви - патриарху, синоду, архиерейскому собору или вообще императору. Я говорю не о том, что эта сфера в православии не разработана, а о частных конкретно-исторических разрешениях проблемы.

Отсутствие единоначалия в сочетании с предыдущим пунктом может вести - и приводило - к "национализации" Церкви, к отождествлению церковности и народности, следствием чего явилась беззащитность поместной церковной иерархии перед "поместной" национальной светской властью, пусть даже и именуемой христианской. С другой стороны, здесь всегда таится еще и та опасность, что как только на очередном зигзаге истории народ удастся убедить, что его "народность" в ином, как Церковь лишится большинства своих членов.

Под особенностями русского православия, в частности, я разумею: а/ изначальный довольно сильный раскол Церкви и мира в стране - утонченный византийский аскетизм монашества в полуязыческой массе; б/ вследствие потери независимости при татарском иге - быстрая "национализация" веры и Церкви, отождествление православной церковности с русской народностью; в/ вследствие Флорентийской унии 1439 г. и падения Византии греки начинают рассматриваться на Руси как наказанные за отступничество и падшие, так что светильник подлинного благочестия стал признаваться только за Россией. Церковь у нас окончательно становится национальной, а следовательно, попадает в зависимость от национальной светской власти; тот факт, что РПЦ активно поддерживала княжескую власть в борьбе против Орды и за национальное единение страны, постепенно глубоко закрепляет традицию подчинения Церкви христианизированному русскому кесарю. А если он дехристианизируется?... г/ отсюда возникновение соблазнительной теории о "Москве - Третьем Риме", т.е. о России как о единственной хранительнице христианского правоверия, которая в конечном счете служила лишь дальнейшему усилению светской власти, понимавшей теорию все более односторонне, так сказать "по-мусульмански": "Если Москва все равно Третий Рим и Четвертому не бывать, то остается лишь хранить что есть, да присоединять, хотя бы и насильственным путем, к числу заведомо спасенных россиян новые земли и новые народы - для их же блага" /следует оговорить, что это не цитата, а моя собствен-

ная интерпретация/; д/ в результате всего вышесказанного князь официально, почти канонически становится земным покровителем русской Церкви, а РПЦ начинает зависеть от него целиком и полностью. И хотя совершенно понятно, что причиной этого была сложная историческая ситуация, а также что подобное положение складывалось далеко не только в России, наши сердца болят за нашу Церковь, и речь идет именно о ее нынешнем кризисе. Очевидно главное – на деле и небесным, и земным покровителем Церкви может являться и реально является только Иисус Христос.

Наконец, об особенностях вопросов, волновавших Русскую Церковь и русское общество. Следует прежде заметить, что, возможно, вопросы, о которых пойдет речь, занимали и другие Поместные Церкви, как западные, так и восточные. Мне неведом круг проблем, казавшихся жизненно важными для христиан Кипра, Португалии, Эфиопии или Австралии. Однако мне думается, что подобно тому, как каждому человеку присущи только его болезни, комплексы, переживания, фобии, только его индивидуальные "проклятые вопросы" или интересы, так и каждый народ во Вселенской Церкви избирает вольно и невольно свой определенный круг проблем, в рамках коего и развивается его религиозное творчество.

Лично мое мнение таково, что для России и россиян самым волнующим, даже мучительным вопросом был вопрос о соотношении Церкви и мира, причем, именно в силу той самой нашей национальной склонности к крайностям, в решении этого вопроса преобладало то отрицание мира, то отрицание Церкви. Вопрос о соотношении Церкви и мира в целом, и более узко – церковной и светской властей, – особенно ярко был проявлен в полемике между иосифлянами и заволжскими старцами /XV-XVI вв./, хотя поднимался достаточно остро уже и в XIV в. /учение инок АКИНДИНА о реальной власти князя над епископом; спор митрополита КИПРИАНА с Дмитрием ДОНСКИМ/. Борьба стяжателей и нестяжателей, полемика КУРБСКОГО с Иоанном ГРОЗНЫМ, патриарха НИКОНА с царем Алексеем Михайловичем – "что выше: свя-

щенство или царство", - старообрядцев с никонианами, поповцев и беспоповцев внутри староверия - все основные споры, раздиравшие русское общество в допетровский период, имели основным своим камнем преткновения вопрос о Церкви и мире, духовной и светской властях. В западной и полусекюляризованной петровской России этот же спор косвенно ощущается в полемике Феофана ПРОКОПОВИЧА со Стефаном ЯВОРСКИМ.

Не решенный по-настоящему русскими православными христианами до сих пор, этот вопрос явился причиной двух трагических явлений Санкт-Петербургского периода нашей истории, прямо обусловивших современный кризис РПЦ: а/ окончательное подчинение "священства" "царством", Церкви мирской властью, миром; ликвидация патриаршества и низведение духовенства до роли обычных государственных чиновников, к тому же еще и лишенных достаточных средств для нормального существования, что крайне подрывало авторитет РПЦ; б/ образование в российском обществе новой квазирелигиозной секты /или "ордена"/, объявившей в результате войну и царству, и священству - интеллигенции.

Итак, причины сегодняшнего тяжелого и кризисного положения Церкви в России, на мой взгляд, в том, что во время страшной всероссийской смуты XX века, пассивно тянувшейся и до сего дня, РПЦ не смогла, как в былое время, сыграть роль духовного стержня народа как в силу многонационального, имперского характера всей страны /результат неправильно понятой миром доктрины "Москва - Третий Рим"/, так и оттого, что ее авторитет в народе был чрезвычайно сильно подорван сведением церковного аппарата к одному из государственных ведомств; а также тем, что три последние века из Церкви уходили, по-своему решая вопрос об отношении к миру, в большом количестве весьма энергичные и полные сил люди /вначале раскольники, затем интеллигенция/, причем и те, и другие обычно объявляли войну и светской, и духовной властям - надо признать, что победили они все-таки светскую. Причины этого уxo-

да здоровых сил из Церкви, а также подчинения последней государству коренятся, как уже говорилсь, в тех исторических, культурных и психологических факторах, о которых было написано выше.

В силу тех же самых причин РПЦ, как мне думается, не смогла и не может адекватно сопротивляться атеистическому хилиазму марксизма, как 'сила национальная, но смогла и может сопротивляться ему, несмотря на самые страшные гонения, на подкуп и плененность, потому что является Телом Христовым, потому что в ней дышит Св. Дух, т.е. как сила религиозно-мистическая.

3. Были ли в истории РПЦ времена, похожие на нынешнее время?

Если брать за критерий тот факт, что РПЦ была когда-то безусловным духовным стержнем для большинства населения в России, что православие было той закваской, на которой создавалась и русская культура, и русская общественность, и русская государственность, то, наверное, надо признать, что ситуация, подобная сегодняшней, имела место в истории России и РПЦ только в X и XI вв., когда подавляющая масса населения страны, как и сейчас, была и не христианизирована, и, тем более, не евангелизирована.

В каком-то смысле так и есть: попытка компромисса с язычеством /"христианские царства" константиновской эпохи/ закончена, ситуация вернулась "на круги своя", и РПЦ, все же гораздо более влиятельная и обогащенная опытом, чем в X-XI вв., имеющая национальные корни и значительно преобразившая за эти десять веков духовный, культурный и социальный климат страны, должна теперь продолжать работу по евангелизации народов России без поддержки каких бы то ни было внешних земных институтов.

С другой стороны, и когда РПЦ безусловно была национальной Церковью для большинства населения страны, в ее истории бывали достаточно кризисные времена. "Приведут ко мне мужика /ставитья в попы или диаконы/, - жалуется на состояние Церкви в XV в. старший современник св. Иосифа ВОЛОЦКОГО новгородский архиепископ ГЕННАДИЙ, - я велю ему Апостол дать читать, а он и ступить не умеет;

велю Псалтырь дать, - и по тому еле бредет... Я велю хоть ектени-
ям его научить, а он и к слову не может пристать: ты говоришь ему
одно, а он - совсем другое. Велишь начинать с азбуки, а он по-
учившись немного, просится прочь, не хочет учиться... А если от-
казаться посвящать, мне же жалуются: такова земля, господине: не
можем найти,¹ кто бы горазд был грамоте..." /цит. по: П.МИЛЮКОВ,
"Очерки по истории русской культуры", т.2, СПб, 1899, стр.17/. В
следующем веке один из основных авторов теории "Москва - Третий
Рим", старец Елеазарова монастыря ФИЛОФЕЙ, пишет, что "Русия цар-
ство аще и стоит верою в православной вере, но добрых дел оску-
дение и неправда умножися... Все уклонишася вкупе" /Послание к
Великому князю ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ/¹. О вопиющей безграмотности и
духовенства, и мирян свидетельствует Стоглавый Собор 1551 г.:
"Ставить хотящих во дьяконы и в попы ставитися, а грамоте мало
умеющих, для святителей сопротивно священным правилам. А если не
поставить, то святые церкви без пения будут, а православные хрис-
тиане учнут без покаяния умирать... /А если спрашивают/ почему
мало умеют грамоте, они ответ чинят: "Мы де учимся у своих отцов
или у своих мастеров, а больше нам учиться негде: сколько отцы
наши и мастера умеют, по тому и нас учат". А отцы их и мастера
их и сами потому мало умеют и силы в божественном писании не зна-
ют, что учиться им негде. А прежде сего в российском царствии на
Москве и в великом Новгороде и по иным городам многие училища
бывали" /Стоглав, гл.25/². Скажут, что эти примеры свидетельству-
ют в основном о низком уровне церковной образованности. А разве
это не первейшее и не очевиднейшее свидетельство кризиса? Кроме
того, "Стоглав" вообще рисует далеко не радужную картину состоя-
ния РПЦ; вспомним, что именно в этот период ее первоиерарх св.
ФИЛИПП принял мученический венец от убийц ГРОЗНОГО и СКУРАТОВА,
до самого конца не отступив перед мирской властью в обличении ее
зла и неправды. В следующем, XVII, в. мученичество принимает в
Смутное Время уже патриарх /св. ГЕРМОГЕН/; кроме того, это век

1. Цитата не проверена.

2. Ср. изд. Д.Е. Кожанчикова, СПб, 1863, с.91-92.

церковного раскола, а в Юго-Западной Руси - насильственного насаждения униатства /я имею в виду не тех, кто принял унию добровольно, а именно то, что сказал/. Эти же процессы происходили и в Северо-Западной Руси: известно, например, что полоцкий архиепископ Иосафат КУНЦЕВИЧ силой отбирал церкви у православных, подвергал аресту священников и требовал запрещения всяческих "сборищ" православных под тем предлогом, что они собираются не для молитвы, но для обсуждения мятежных действий против правительства /анalogии очевидны/. До 1632 г. РПЦ в Речи Посполитой даже не признавалась легальной.

Гонения на Русскую Православную Церковь "просвещенным абсолютизмом" ЕКАТЕРИНЫ, а до нее ПЕТРА, общеизвестны, равно как и бедственное положение РПЦ в XVIII столетии в целом. Необязательно даже обращаться к историкам; подлинные представители российской культуры конца XVIII - начала XIX вв. прекрасно осознавали все зло и всю пагубу для страны этих притеснений. "ЕКАТЕРИНА явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени, - писал А.С. ПУШКИН. - Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностю. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии... Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер" /А.С. ПУШКИН, "Заметки по русской истории XVIII века", ПСС, в 6 тт., т.6, М., 1950, с.10/¹.

Можно было бы привести гораздо более систематизированные и разнообразные высказывания, но это не научный трактат. В истории РПЦ были времена, похожие на нынешние: в целом - в начале истории христианской Руси; в частности - от времени до времени на протяжении почти всей ее истории.

1. Цитата проверена по ПСС (в 10 тт.), М., 1954, т.6:62.

4. Если были, то каким образом РПЦ смогла преодолеть и выстоять времена неблагоприятные?

В каждой конкретной кризисной ситуации были свои конкретные пути выхода из кризиса. Однако они становились до конца ясны лишь со временем – потомкам. Видимо, есть и какие-то конкретно-исторические пути преодоления и нынешнего кризисного состояния РПЦ; о них прочтут в учебниках или напишут сами наши правнуки.

Если же попытаться найти более общий ответ, то мне кажется, что РПЦ, как и всякая иная Поместная Церковь, с одной стороны, всегда имеет потенциальную возможность обновления благодаря животворящему ее Св. Духу, а с другой – это обновление становилось действительным и времена неблагоприятные преодоленными, когда РПЦ, несмотря на, казалось бы, безвыходное положение, продолжала "приносить плод в терпении" /Лк. 8, 15/, стремилась поверх всех политических и идеологических систем и теорий /в том числе и своих собственных/ твердо и спокойно созидать в своих детях внутреннего Христа, соработать Христу в деле преображения и обожения мира.

Иными словами, Церкви вообще и РПЦ в частности тогда удавалось преодолеть внутренний кризис, когда она поднималась высоко над заботами века сего и вновь заглядывала в глаза Иисуса, вечно устремленные на нее как на Свою Невесту и на каждого ее члена как на Своего Сына.

Этот ответ может показаться со стороны довольно-таки абстрактным, но для меня он более чем конкретен.

5. Если, на ваш взгляд, обстановка неблагоприятна, что вы предлагаете?

Это очень хороший вопрос. Дело в том, что люди часто склонны относиться к подобного рода вопросам полуиронически – "что, мол, от нас-то зависит!" На самом же деле каждый действительный

христианин обязан иметь альтернативное решение современному кризисному положению, решение обдуманное, пережитое, пропущенное "через себя" и осуществляемое всей своей жизнью. Когда нас спрашивают, что мы предлагаем, не надо думать, что раз наше мнение не примет немедленно на вооружение патриарх или архиерейский собор, то оно не имеет никакого значения. Оно имеет огромное значение — для нас самих, а может быть, и для некоторых наших братьев по вере, умеющих прислушиваться к чужим мнениям.

То, что предлагает каждый из нас, он предлагает в первую очередь самому себе. На большее не претендую и я, хотя готов выслушать встречные мнения и постараться совместно прийти к общему решению.

В настоящее время перед РПЦ стоят весьма остро две задачи, поставленные не столько известным кризисом, сколько временем вообще.

Первая из них — задача по формированию активной христианской общины. Время отождествления православия и русской народности /к счастью или к несчастью, не знаю/ кончилось. Мирская власть в стране отныне открыто именуется антихристианской, лишив Церковь своей традиционной поддержки. РПЦ, всегда привыкшая опираться на местную национальную власть, не знающая иных традиций, кроме цезарепапистских, отныне оказалась предоставленной сама себе, да еще в лапах враждебной и агрессивной структуры. И вот именно в этих тяжелых — но далеко не безнадежных — условиях и должна теперь РПЦ перестраиваться внутренне, вновь обрести действенность и энергию, требуемые от каждого свидетеля о Христе. Сейчас эта перестройка только начинается; в этом смысле мы живем в некотором "пересменке" /отсюда и кризис/, который, несомненно, минует. Привыкшая полагаться на светские общественные институты христианизированного кесаря, РПЦ не развила в себе дух общинности, свободного общинного самоуправления, необходимого для достойного, активного и спокойного самостоятельного существования. Католичество в общем представляет собою одну наднациональную /хотя и категорически не антинациональную/, четко

организованную общину верных; протестантизм, наоборот, распадается на множество мелких самоуправляющихся, не менее четко организованных общин; православие же традиционно оставляло мирскую, социальную сферу за христианизированным государством – особенно это относится к РПЦ, к России с ее пристрастием к крайностям и глубоким расколом между Церковью и миром.

Означает ли это, что православие чем-то "хуже" перечисленных выше братских конфессий? Ни в коем случае. Плоды православной духовности – в том числе российской, русской – достаточно очевидны, чтобы тратить время на их доказательство. Пусть те, кто их отрицает или подвергает сомнению, заглянут в собственную душу: там, а не в православном исповедании христианства отыщут они причины этого неприятия. Наоборот, сейчас перед православием открывается – хотят того или не хотят иные излишне ретивые ревнители старинного благочестия и благолепной пассивности и косности – новая чудесная страница активного религиозного творчества в социальной сфере. Тем более, что РПЦ все равно превратилась в одну из религиозных общин, пусть даже до сих пор самую крупную в государстве.

Таким образом, лично мое мнение таково, что будущее в РПЦ – за христианством активным и деятельным, так сказать, за "православными-инициативниками" /как есть "инициативники" баптисты и адвентисты, хотя наименование это, конечно же, условно/. Но деятельность и активность, во-первых, ни в коем случае не должны подменять внутренней душевной и духовной работы, умного делания, созерцательной и мистической жизни. Речь может идти лишь о гармоническом сочетании обоих видов деятельности. Деятельность и активность, во-вторых, должны быть направлены не слепо вовне и уж тем более не на политическую борьбу /здесь я совершенно не согласен с былыми установками о. Дм.ДУДКО, хотя и продолжаю уважать его как борца и после его телепокаяния/. На что же должны быть они направлены? На внутрицерковное строительство.

Поскольку вопрос о роли епископов, священников и мирян задан отдельно, будет достаточно ограничиться лишь объяснением,

что под всем этим имеется в виду конкретно. Представляется реально осуществимым, безопасным /при достаточном уме и осторожности/, действенным и весьма быстро приносящим плоды путь создания многочисленных мелких общин активных мирян, находящихся в контакте с одним или несколькими священниками, а через них, может быть, и с отдельными епископами. В зависимости от личностных особенностей их организаторов или участников эти общины могут насчитывать от трех до двадцати человек; каждый их участник и участница должны вести регулярную и интенсивную личную церковную жизнь, иначе пропадает смысл таких общин /посещение богослужения, ежемесячное причащение и исповедь, напряженная молитвенная жизнь, самообразование в интересующей церковной сфере, какая-либо индивидуальная работа для Церкви и конкретно своей общины/. Чрезвычайно важно, чтобы эти малые общины были не просто собраниями "христианских активистов и активисток", но и - не боюсь этого слова - тесными и дружескими компаниями. Разумеется, речь опять же идет не о подмене общинности "компанейскостью", а братских трапез дружескими пирушками, но о том духе подлинной братской любви, который приводит к тому, что люди постепенно просто не могут не видеть друг друга, не собираться во имя Христа, не идти вместе по жизни, не делить сообща и радости, и горести, и даже "серую" повседневность /"цвет" повседневности, кстати, тоже зависит от нас самих/. В нашей стране законодательно и в нарушение элементарных норм законности и свободы совести запрещено верующим устраивать молитвенные собрания, библейские и любые другие кружки и группы /Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. "О религиозных объединениях"¹. Но никто не может запретить друзьям собираться, хотя бы и регулярно, никто не воспрещает компании близких людей посвящать какое-то время совместной молитве или совместному чтению и толкованию Писания.

Эти общины призваны не заменять собою церковноприходскую жизнь, но дублировать ее, поскольку последняя в настоящее время пока что не может развиваться свободно. Иначе говоря, эти малые общины - не "альтернатива нынешней Церкви", но сама эта Церковь;

1. Ст.17 "в" (СУ РСФСР, 1929, №35, ст.353).

они должны существовать с ведома и благословения священства, а по возможности и епископата. Впрочем, последнее – дело будущего, и особенно гнаться за этим не следует.

Хорошо также, если каждая из этих общин со временем поставит перед собою какую-либо определенную цель /специализация/, а также если каждый или почти каждый член такой общины будет ходить и еще в какую-нибудь /взаимосвязь между общинами/ – все это будет способствовать созданию одновременно и плюралистического, и единого в главном церковного организма, постоянно обогащающего самого себя. Кроме того, это создаст действенную и живую среду для поступательного роста православных кругов /роста и вверх, и вширь, и вглубь/, среду, само существование которой облегчит и христианское формирование наших детей, и приобщение к Церкви новых людей извне, и возможность тайно, но эффективно воздействовать даже на общественную жизнь. Христиане обязаны составить "всемирный заговор" – "против духов злобы поднебесных" /Еф. 6, 12/ и князя мира сего, который окончательно ныне "изгнан будет вон" /Ин. 12, 31/.

Само собой разумеется, новокрещенный не обязан "сломя голову" бросаться в "общественную деятельность". Существует множество человеческих типов, характеров, особенностей; дело лишь в том, что Церковь существует тогда, когда христиан двое или трое... И пока личность не решит как-то свои индивидуальные отношения с Богом и ближними, с Церковью и традицией настолько /ибо решать их приходится всю жизнь/, чтобы стать способным выходить на проповедь и труд, не может быть разговора о положительном участии в строительстве Православной Общины. Дух любви, радости, мира, долготерпения, благости, милосердия ни в коем случае не может подменяться соблазном "общего дела", трудная и трезвая глубина соборности – сомнительной привлекательностью "православного коллективизма".

Вторая задача, вставшая сейчас вообще перед мировым христианством, а следовательно и перед РПЦ, как частью Апостольской Церкви, определяется посредством всего двух слов: "церковное

единство". Я подчеркиваю: не объединение, а единство. Все попытки унии между Западом и Востоком /во всяком случае, что касается РПЦ/ терпели неудачу. Это оттого, что всякая уния есть явление внешнего характера, тогда как подлинное объединение может быть только внутренним. Нельзя не согласиться с мнением папы ИОАННА-ПАВЛА II о том, что "единение христиан осуществляется не иначе, как через глубокое созревание в истине и через постоянное обращение сердец" /"Символ", №4¹, с.113/. Именно поэтому сказано: не объединение, а единство. Ибо Церковь будет объединена лишь тогда, когда окончательно осознает себя внутренне единой. Осознавать себя членом единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, постоянно переживать и ощущать это религиозно в своем сердце, свидетельствовать об этом единстве перед своими братьями по вере, твердо бороться со всяким духом самозамыкания, разделения, отпадения или недоверия - в этом, по моему мнению, состоит сейчас священный долг каждого христианина.

Этот вопрос чрезвычайно сложен: еще и потому, что искусственно усложняется. Дело в том, что среди российских православных в силу ряда уже упомянутых особенностей мышления и характера бытуют две крайности. И, как всякие крайности, они обе неверны...

Одни православные братья наши под лозунгом охраны предания и церковной самобытности всячески отстаивают изоляционизм РПЦ и ее замкнутость на самой себе. Все прочие исповедания, даже братская Западная Церковь /а для некоторых - даже прочие православные церкви/ объявляются ими враждебными или даже еретическими. Вся аргументация таких людей строится на системе натяжек, умолчаний или на обыкновенной безграмотности; все, что они принимают за чистую монету, давно было подвергнуто критическому разбору и изжито передовыми русскими иерархами, богословами, церковными публицистами и историками уже к концу XIX в., и тем более в нашем столетии /назовем хотя бы трезвый анализ разделения Церквей в 1054 г. проф. М.ПОСНОВА в его книге "История Христианской Церкви"²/.

Характерно, что эти наши братья, крепко замыкая "двери православия", чтобы к ним не проникла никакая свежая струя, зачастую сводят свое христианство к соблюдению буквы, устава, какой-нибудь

1. Париж, дек. 1980; "Встреча папы Иоанна-Павла II с французской молодежью".

2. Брюссель, 1964.

второстепенной традиции /иногда даже и не традиции вовсе!/. При подобной позиции часто отрицается богословское образование, деятельность в миру, иногда культура вообще. При подобной установке, снимающей ответственность за мир, неудивительно, что РПЦ как бы "терпит крах" в мирской сфере. Перед нами все тот же российский комплекс вражды к миру – то есть самое настоящее монофизитство-вание. И при этом в еретичности подобные "монофизиты" всегда склонны обвинять других.

Другие, еще только вчера придя в православие /гораздо реже: прожив в нем много лет/ и натолкнувшись на явно кризисную современную ситуацию, выбирают вторую крайность и переходят в католичество. Православие скоро становится для них "безблагодатным". Я твердо разделяю убеждение, что эта категория ничем не отличается от предыдущей. Обе группировки ведут к разделению и вражде, к бессмысленной трате энергии, сил, людей. Во втором случае слишком уж явно просматривается "печеринский комплекс" ненависти к России^{х/}, которым, быть может, и должны переболеть мы все, но лишь

х/ Как сладостно – отчизну ненавидеть

И жадно ждать ее уничтоженья!

И в разрушении отчизны видеть

Всемирную денницу возрожденья!¹

Так писал за пять-шесть лет до своего перехода в католичество известный лидер нашей интеллигенции 30-х годов прошлого века В.С. ПЕЧЕРИН /1807-1885/. "Идти говеть по указу и причащаться св. Тайн без веры и с кошунством? До этого я не мог унизиться: мне это казалось первою подлостью и началом всех прочих подлостей, – оправдывал он свое неприятие России и в другом месте говорил, – Вы призывали меня в Москву... Когда я увидел эту грубоживотную жизнь, эти униженные существа, этих людей без верований, без Бога, живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, как животные... когда я увидел все это, я погиб! Я видел себя обреченным на то, чтобы провести с этими людьми всю мою жизнь... Тогда моим сердцем овладело глубокое отчаяние, неизлечимая тоска... Я поклялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему меня окружавшему!" /"Замогильные записки", М., 1932./¹

1. Цитата не проверена.

для того, чтобы пережить и изжить его, чтобы выздороветь и переходить к созидательному труду единения, а не вносить новые зерна вражды и разделений.

Обвинять какое бы то ни было христианское исповедание в "безблагодатности" - это и есть самое настоящее богохульство, хула на Духа Святого.

Иисус призвал нас к Себе в России, через ту Поместную Церковь, которая здесь существует. История показала, что всякие попытки "привить" древо католичества на русской почве не только оказывались безуспешными, но и - в тех случаях, когда частично удавались - часто были насильственными и сопровождались разрушением русского национального типа /полонизация русин, мадьяризация карпатороссов/. Быть принятым в российскую поместную общину Единой Вселенской Церкви и перейти затем в "юрисдикцию папы" - не означает ли отрицать за этой поместной общиной ее причастность к Единой Церкви? Если так, то эта позиция несет в себе свое собственное опровержение, поскольку дает печальную возможность любым другим людям отрицать причастность к Единой Церкви всей римской юрисдикции или хотя бы тех же самых ренегатов из православия.

Такая позиция непоследовательна еще и потому, что как раз наносит жесточайший удар делу единения Церквей: ведь если все православные, ощущающие свое единство с Западной Церковью, будут решать проблему путем формального перехода, формальной смены юрисдикций /и если так же будут поступать все католики/, то вместо единения будет осуществляться вечное "переливание из православного в католическое" и обратно.

Конечно, бывает, что человек вследствие тех или иных причин может испытывать "острую боль" от того, что за литургией не поминают "ИОАННА-ПАВЛА, папу Римского", он может принципиально желать читать открыто Символ веры с филиокве и признавать причастие действительным только на пресном хлебе. Наконец, человек может иметь сколь угодно много психологических или идеологичес-

ких причин для перехода в католицизм. И вообще, в конечном счете это его право. Но точно такие же идеологические, догматические и психологические предпосылки мы можем найти и у представителей первой крайности. Наконец, я прямо считаю, что сведение всего многообразия Церкви к одному типу благочестия, богомыслия и организации есть обеднение и в этом смысле искажение замысла Иисуса Христа о нас.

Владимир ВЕЙДЛЕ писал: "Россия станет вновь Россией, только сделавшись снова европейской страной" /"Безымянная страна", Париж, 1968, с.21/. Перефразируя это высказывание, можно было бы продолжить: российские христиане вновь станут детьми Единой Церкви, только сделавшись снова по-настоящему православными. И наоборот: сделаются по-настоящему православными, лишь став внутренне детьми Единой Церкви.

Наша цель - воссоединение Православной и Католической Церквей, а не присоединение пусть даже большинства православных к римской юрисдикции. Во всяком случае, я понимаю эту проблему так. И считаю, что это самое воссоединение должно прежде всего осуществиться в сердцах каждого православного и католика. Признавая за нашими православными право и на ту, и на другую крайность, я не могу в то же время не считать эти крайности крайностями и лично для себя склонен твердо проводить в жизнь средний путь, намеренный в ответной речи Вселенского Патриарха ДИМИТРИЯ I папе ИОАННУ-ПАВЛУ II:

"...Началась новая эра в развитии братского общения между двумя Церквями...¹ Мы вступаем в новую эпоху, эпоху официального богословского диалога между Римско-Католической и Православной Церквями...¹ Является ли этот диалог между Римско-Католической и Православной Церквями, начало которого мы сегодня благословили, нашей конечной целью? Отвечая на этот вопрос, мы оба можем сказать - нет. Более того, мы можем сказать, что нашей главной и конечной целью является не только единство наших двух Церквей, но и единство всех христиан в одном Господе и в одной Чаше" /"Символ", №3², с.145/.

1. Многоточие добавлено нами - ред. АС.

2. Париж, апр. 1980, "Встреча папы Иоанна-Павла II со Вселенским Патриархом Дмитрием I".

6. Какова на сегодня роль мирян в Церкви? Священников?Епископов?

МИРЯНЕ. По всей видимости, традиционному разделению церковного народа на активных пастырей и пассивную паству пришел конец. Изживает себя и традиционная система приходов. Сейчас в РПЦ вернулось и возвращается очень большое число ее детей. В основном это люди, принадлежащие к образованному слою, в возрасте от двадцати до сорока лет. Они не могут официально поставить в известность общественность о своей религиозной принадлежности, так как это лишит их возможности учиться и работать на прежних местах. Поэтому эти люди не имеют возможности сочетать официальную работу на службе с официальной церковноприходской работой. С другой стороны, руководство любого прихода состоит в основном из пожилых женщин, далеко не всегда единодушных с пришедшими и даже доброжелательных к ним /хотя бы в силу возрастного и образовательного "ценза"/. Со временем это положение, конечно, изменится, но сейчас оно таково. Мы безусловно должны стремиться "наполнять собою" существующие приходы, но в нынешних условиях этого недостаточно - таков смысл слов, что традиционная, прежняя система приходов себя изживает: на ее основе требуется некое активное обновление, действенная внутренняя перестройка /а ни в коем случае не разрушение/.

Можно обратиться за историческим примером опять же к истории Западной Руси. Когда часть мирян и священства, большинство архиереев и многие монахи приняли там Брестскую унию с Римом, значительный процент православных не захотел к ним присоединиться. В эту ситуацию были привнесены чисто политические, человеческие моменты, и православные Западной Украины и Белоруссии стали подвергаться гонениям. Именно тогда заботу о возрождении православия, о распространении и печатании книг, подготовке и содержании хороших проповедников и богословов, всю культурную работу, а также самозащиту - а она может осуществляться лишь в полной солидарности - взяли на себя западнорусские церковные братства. Вот что пишет о них известный историк Западной России М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ¹:

1. Так в получ.копии; след.читать "Вот что пишут о них... М.В. Довнар-Запольский и Д.З. Шендрик" (см. с.26, сн.5).

"...¹братства – явление очень старое, едва ли не коренящееся в обычаях древней Руси. На Руси существовало обыкновение, в силу которого союзы, корпорации соединялись в какие-нибудь праздники; в эти праздники такое братство собиралось в общее собрание, причем готовилась братчина, т.е. мед, распитием которого заканчивалось собрание, а воск отдавался на братскую церковь. Повидимому, под братчиной разумелись союзы для разнообразных целей, в том числе и религиозных; повидимому, братский праздник был иногда просто праздником целой сельской или городской общины, или цеха. Но к концу XVI века западно-русские братства, по примеру старейшего из них Львовского, возродились...¹ Братчики делали в братство известные взносы, собирали деньги, недвижимые имущества. Целями братства были поддержание веры и единение в среде братства. В них не было деления на сословия, и родовитый шляхтич за братской трапезой или на братском собрании ни в чем не имел особых преимуществ перед бедным сапожником. Братства заботились о распространении образования, заводили школы, устраивали типографии. Они поддерживали ученых проповедников и писателей... Желая иметь духовенство соответственно своему религиозно-нравственному настроению, братства стремились к устройству² собственных церквей, ¹ так как право патроната давало им возможность избирать священников по собственному желанию. Братства также стремились к получению от патриарха ставропигии, т.е. освобождения от епископской власти. Братства таким образом явились "яко щит некий в помощь самой церкви", как выражается грамота александрийского патриарха МЕЛЕТИЯ. Это – очень верная характеристика. Но надо заметить, что стремления³ братств к самостоятельности часто вызывали³ отпор в среде духовных иерархов... при всех⁴ этих братствах были школы, а при некоторых...¹ и типографии" /"Россия. Полное географическое описание нашего отечества", под редакцией В.П. СЕМЕНОВА, т. IX,⁵ с.99-100/.

Подобные братства вновь стали возрождаться у нас в XIX и особенно XX веках – свидетельство, что уже тогда миряне начали

1. Многоточие добавлено нами – ред. АС.

2. В получ.копии "устроению" – опечатка.

3. В получ.копии "стремление... вызывало" – опечатки.

4. Точнее: "Почти при всех..."

5. Гл.4 – "Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и культурные их успехи. М.В. Довнар-Запольского и Д.З. Шендрика".

осознавать свою активную и ответственную роль в Церкви /об этом подробнее смотри в "Вестнике Русского Христианского Движения", №131¹/.

Приводя эти примеры, я вовсе не имею в виду буквальный перенос былых исторических реалий в наши времена. Я лишь хочу сказать, что активные организации мирян вполне присущи российской православной традиции. И более того. Даже если бы они и не были ей присущи, сейчас настали времена, когда они необходимы.

Несколько выше уже писалось о том, что понимается под подобными братствами в наши дни - малые общины деятельных мирян, пребывающих в постоянном контакте с приходским духовенством и через постоянное участие в таинствах - со всей Церковью. Выше подчеркивалось и то, что эти активность и деятельность должны сочетаться с созерцательностью, молитвой - с внутренним деланием. Да иначе и никакая внешняя деятельность не будет получаться, или заведет совсем в другую сторону, так что "вызовет отпор в среде духовных иерархов".

Мы, миряне, - не просто "прихожане". Через таинство миропомазания мы получаем сан мирянина; св. апостол Петр ко всем нам обращает свои огненные слова: "Вы - род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет" /1 Пет. 2, 9/. И в соответствии со всем этим у мирян есть особая миссия в Церкви.

Прежде всего - именно на нас возложена непосредственная задача по христианизации мира. Настало время совершенно прямо говорить об апостольстве мирян Русской Православной Церкви: мы члены Апостольской Церкви не только в смысле того, что она сохраняет апостольскую преемственность, но и в том, что наше прямое предназначение - быть апостолами.

"Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного" /Мф. 5, 16/ - сказал наш Господь. "Идите, научите все народы, крестя их во имя

1. 1980; ст. Н.Шеметова "Православные братства /1917-1945 гг./", с.147-181.

Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам" /Мф. 28, 19-20/ - эти слова давно уже относятся не только к священству и епископату, нет, всех нас Иисус послал и посылает "проповедовать Царствие Божие и исцелять больных" /Лк. 9, 2/, хотя понятно, что в евангельском контексте применительно к апостолам всё эти выражения имеют совершенно особый, уникальный смысл.

Что же понимается под апостольством мирян? Миряне должны: а/ свидетельствовать о Христе в миру; б/ быть орудием Церкви в миру. Постоянный и действенный контакт с пастырями необходим как раз для последнего.

Под внутренним деланием каждого мирянина понимается необходимость: а/ исследовать Писания /Ин. 5, 39/ и Предание, постоянно и планомерно самообразовываться в церковных и богословских дисциплинах под водительством опытных наставников /в том числе и воспитанных в своей среде/ и высококачественных пособий, каких немало было издано у нас до революции и немало издается сейчас обеими Церквями за рубежом; б/ постоянно бодрствовать и молиться /Лк. 21, 36/, трезвиться /1 Пет. 5, 8/, приносить плоды духа /Гал. 5, 22-23/ в терпении /Лк. 8, 15/, вообще неустанно и сознательно употреблять усилие в своей религиозной жизни /Лк. 16, 16; Мф. 11, 12/.

Мы можем также говорить о своего рода пастырстве мирян: все мы должны стремиться стать хорошими проповедниками в прямом смысле этого слова и просить у Бога дар мудрости /Мф. 10, 16/, чтобы быть достойными свидетелями о Христе и иметь возможность на высоком духовном уровне помогать другим приходить в Церковь и решать свои внутренние проблемы. А для этого прежде всего требуется сострадание и жертвенная любовь.

Под внешним деланием каждого мирянина понимается необходимость а/ строить внутрицерковную общинную жизнь вместе с духовенством, помогать в этом священнослужителям, быть их деятельными "агентами" в миру; б/ участвовать в самостоятельной внутри-

общинной работе, сознательно и направленно отдавать себя и свои душевные силы братьям и сестрам во Христе; в/ используя свои знания, трудиться и для Церкви, и в миру /в целях его конечного преобразования в духе Христа/ там, где призваны и поставлены /1 Кор. 7, 20/, и при этом всегда быть не от мира. Лично мне не близка позиция иных братьев, которые после принятия христианства сознательно бегут от мира в сторожа, лифтеры и т.д., хотя ничье право на подобные поступки оспаривать я, естественно, не берусь; г/ вообще евангелизировать мир через наши повседневные занятия и занятия и заботы, наполнять светом Иисуса Христа и Его Духом быт, социум, культуру...

На первый взгляд это педантичное изобилие пунктов может вызвать протест. Но я убежден как в том, что мы обязаны ставить перед собой как можно более высокие и разнообразные цели, так и в безусловной выполнимости всех пунктов. Естественно, что все это при условии активной христианской позиции. Если для человека христианство – просто мода, или если он ходит в храм и участвует в таинствах раз в полгода, если не знает вообще, что такое правильная индивидуальная молитва, то о какой его "деятельности" может идти речь? Да и христианин ли он вообще? Ведь первейшая наша деятельность – участие в литургии /что, кстати, и означает по-гречески "общее дело", "общественное служение"/.

Важно сказать и еще об одном аспекте. В наши дни мало кто приходит к Богу через традицию и авторитет. Приходя ко Христу, человек обычно сталкивается с Ним в глубинах своего сердца, а потом уже закрепляет свою веру через авторитет Церкви и укореняет ее в существующей традиции. Вот почему мы, как мне кажется, на первое место ни в коем случае не должны ставить обрядность или национальную традицию, хотя я ни в коей мере не выступаю ни против того, ни против другого. Не буква, а дух, не внешние формы благочестия, а личный контакт с Божественной Личностью, постоянно выверяемый с помощью духовника – вот что должно быть основой внутренней жизни всякого деятельного мирянина. А вся его внешняя жизнь, именно вся, должна быть ответом на Божий призыв.

Могут возразить, что это требовалось от наших мирян во все времена существования РПЦ в истории. Это безусловно так. Но сейчас времена особые /они всегда особые!/ - послеконстантиновская эпоха! - и требования должны быть повышенные. "Лучше больше да лучше!"

• СВЯЩЕННИКИ. Какова сегодня роль священников в Церкви? Чрезвычайно важная и высокая. Священники - не просто "требоисполнители" и даже не просто совершители таинств; это в полном смысле слова духовные наставники. Совершенно очевидно, что для такой ответственной роли не достаточно только иметь веру и знать требуемые чинопоследования. Конечно, в каком-то смысле священник - слуга мирян по образу Христа, Который "не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить" /Мф. 20, 28/. Но это лишь одна сторона его служения. Прежде всего он предстатель перед Богом за мир, возносящий Ему приношения "от всех и за вся". Это та сторона, которой он обращен к Богу. Но священник - посредник между Богом и человеком, свидетель перед Богом духовного становления и духовной работы человека. Он неизбежно обращен также и к человеку и в этом смысле обязан быть подлинным пастырем душ. Никакая безбожная власть, никакие беззакония и ограничения не могут ему служить в этом препятствием.

Являются ли сейчас наши священники в своем целом духовными пастырями общества? Многие бы ответили, что нет, не являются. Лично я с этим не совсем согласен. Какое бы ни было в настоящее время общее состояние приходского духовенства, оно, видимо, соответствует тем требованиям и запросам, которые предъявляются ему церковным обществом и обществом вообще. Повысятся запросы - повысится уровень духовенства в стране. Дело всегда не в "них", а в каждом из нас. Не в пастырях, а в народе.

Есть здесь и обратная связь. Вот почему отношение между мирянами и священниками я бы определил таким образом: они должны формировать нас, а мы - их.

Само собой разумеется, что священники всегда должны быть открыты мирянам и миру, они должны хотеть иметь вокруг себя людей, а не ждать пассивно, когда человек "приползет" в церковь.

Если бы каждый священник сформировал вокруг себя группу близких ему активных мирян, пусть даже числом в три-пять человек – какая это была бы сила! Разумеется, это лишь первый шаг, но ни в коем случае не конечная цель. Для вышеупомянутого же требуется постоянно повышать свой уровень в апологетике, догматике и пастырском богословии и стараться, наверное, пребывать в регулярном общении с другими священниками.

Каждый священник обязан проповедовать; в наших же условиях, когда число и открытых храмов, и служащего духовенства насильственно удерживается небольшим, проповедовать должны были бы и дьяконы, и церковнослужители, и /по благословению/ некоторые из активных мирян, что ни в коем случае не нарушает нашу традицию. Говорят, что в Римской Церкви каждый священник обязан ежедневно совершать евхаристию, даже если он и в одиночестве. Думается, что это замечательный и высокодуховный обычай, и нам, русским православным, следовало бы подумать о нем. Во всяком случае то, что он безусловно ведет к постоянному внутреннему росту священника, – очевидный факт.

Несколько выше писалось, что едва ли следует ставить на первое место обрядность или национальную традицию. Это не значит, что они не должны трезво и твердо стоять у нас на втором. И в этом священники остаются нашими учителями и водителями, с одной стороны, и слугами, помощниками – с другой. Малые общины активных мирян, о которых писалось, вообще всякие миряне необходимо пребывают в постоянной связи с духовенством, с послушанием принимая его советы и решения. Со своей стороны, и священники должны поощрять активную и самостоятельную деятельность мирян, направлять и развивать ее, формируя в нас чувство ответственности и перед собой, и перед Богом, и перед миром, и перед Богом в миру – Церковью.

ЕПИСКОПЫ. Роль епископов в сегодняшней РПЦ самая тяжелая. Епископы сегодня – это те князья Церкви, которые стоят между нею и безбожной властью, постоянно стремящейся Церковь подавить, поработать, в чем-то ущемить. Епископы – увь! – должны уметь лави-

ровать, идти на компромиссы и уступки, руководствоваться соображениями стратегии и тактики. А ведь их противники и гонители — партия профессиональных политиканов и заговорщиков, основным принципом изначально провозгласившая беспринципность путей и средств. Понятно, что в таких условиях иным епископам бывает не до небесной премудрости — столь озабочены они овладением премудростью земной. Епископы — внешняя стена Церкви. Они и принимают на себя первый удар, именно их и пытается первым делом уязвить, разложить советская власть. И не всегда безуспешно. Уже говорилось о том, что власти за семь десятилетий удалось отчасти сформировать путем физического уничтожения, отбора, подкупа и постоянного давления требующийся ей "советский" тип епископа, о чем, в частности, писал еще в 1966 г. о. Всеволод ШПИЛЛЕР /Письмо митрополиту НИКОДИМУ, март 1966; опубликовано в журнале "Россия и Вселенская Церковь", Брюссель, 1966-67, №4(70) и 1(71), с.57-84/¹. Но не все наши епископы относятся к подобному типу. И явления такого рода в истории бывали не раз; Церковь их с успехом переживала: вспомним хотя бы Авиньонское пленение пап.

Мы можем только молиться за наших епископов, памятуя, что они рискуют потерять душу свою за нас.

Конечно, епископ остается и строителем церковной жизни в своей епархии; конечно, он должен стремиться всеми средствами обвести "вокруг пальца" уполномоченного по делам религий данной области и рукополагать все новых и новых священнослужителей; конечно, он должен стремиться быть блистательным и высокодуховным проповедником, а не просто сверкающим позолотой и источающим благоухание утонченным "князем", время от времени снисходящим до посещения приходов.

Но главное — епископ должен твердо знать, до каких пределов он отступает. Он обязан четко ощущать, где кончается кесарево и начинается Божие, и в случае, если кесарь требует себе последнее — быть готовым на мученичество. Однако сам я "в саккосе" епископа никогда не был и не считаю себя вправе говорить еще что-либо сверх того, что уже сказано. Единственное, что можно добавить, —

1. См. также АС №729.

это повторить: мы не имеем никакого права судить наш внешне пассивный и плененный епископат, поскольку не знаем, как бы сами вели себя на его месте; мы можем лишь ежечасно молиться о тяжелой миссии и судьбе наших архиереев. И помнить: христианство – религия Богочеловечества. Отдавая себя, епископы надеются не только на Христа. Они надеются и на нас. Оправдываем ли мы их надежды? Укрытые за их стеной, не просто ли отсиживаемся в уюте церковного полумрака и ароматах фимиама, фарисейски уверенные в собственной праведности и спасенности?

Что касается самого факта пассивности и плененности нынешнего епископата РПЦ, я склонен объяснять его как раз теми самыми причинами, которые изложены в ранее упомянутом целом ряде факторов российского прошлого.

7. Ваш взгляд на будущее Русской Православной Церкви?

Безусловно оптимистический. Как и всякую иную Поместную Церковь, "врата ада не одолеют ее" /Мф. 16, 18/. Христос с нами до конца времен. Даже если погибнет Россия – во что я, впрочем, тоже не верю, – РПЦ выстоит и будет существовать.

Но в то же время: если Россия, русский народ, российские народы не вернутся к Церкви, никакого возрождения, обновления и освобождения России не произойдет. Все останется так, как есть, и даже еще хуже. Общество будет продолжать деградировать и нравственно, и физически. Ведь дело всегда в нас, а не в дурных властителях, даже если эти последние действительно дурны. А мы-то сами?

И хотя я верю в возрождение и воцерковление России в целом, можно сказать так: если что и останется из обломков России /в случае краха/, то это будет Русская Православная Церковь.

Если говорить о непосредственном будущем, то уже сейчас видны симптомы преодоления кризиса. Это и массовый приток в Церковь свежих сил, людей, разочаровавшихся в ценностях, которыми жило в своем большинстве наше обманутое общество последние шесть

десятилетий. Этот приток по-настоящему лишь начинается, и хотя многие идут в Церковь на гребне моды, даже если волна отхлынет, жемчуг останется. Если этот приток в Церковь будет столь же широк и глубок еще хотя бы десять лет - а остановить его может либо массовое гонение на верующих типа "ежовского", с физическим уничтожением и переполненными лагерями, либо резкое повышение материального уровня жизни в стране по типу США или Западной Европы, - то к концу столетия РПЦ будет, логически должна быть, одной из ведущих сил в нашем обществе. А сферам тайной деятельности христиан нет числа. Это и больницы, и детские сады, и школы, и суды. Наука и сфера обслуживания, искусство и литература... Наша цель, цель российских православных - христианизировать незаметно и постепенно общество "изнутри"; в тех же слоях, контакт с которыми у РПЦ на данный момент утерян, аналогичную работу ведут баптисты и адвентисты. И это тоже благо, ибо, во-первых, мы сами виноваты, что потеряли доверие определенных социальных слоев, а во-вторых, лучше собираться и петь псалмы, чем собираться и пить "на троих".

Следует также отметить, что новопришедшие в РПЦ не только вступили в контакт с активными силами духовенства, не только активизируют /хотя пока и медленно/ прочее духовенство, но и начали поставлять кадры священников из своей среды, в чем им помогают некоторые епископы. Возразят, что число таких епископов мизерно. Это верно. Верна будет и гораздо более острая критика. Но ответ здесь один: все в будущем.

Мне представляется, что каждый народ в Церкви - Новом Израиле - переживает свою священную историю по типу истории Ветхого Израиля. РПЦ прошла через "египетское рабство" татарского ига и ныне переживает период "вавилонского пленения". Это гораздо более соблазнительное время, и не все захотят покинуть Вавилон. Но и Исход будет гораздо более велик и победоносен.

"Православие не только еще не выразило, но лишь начинает себя выражать на языке современности и для современного созна-

ния"¹, - писал о.Сергий БУЛГАКОВ. Эти слова целиком и полностью можно отнести к РПЦ, которой как институту еще придется какое-то время приходить в себя после всероссийской смуты. Но которой, как и России, предстоит большое и долгое будущее. И творить это будущее во имя Христа - всем нам.

1. Цитата не проверена.

АС №4744. Борис Гулько, Анна Ахшарумова, отказники. "Открытое письмо шахматистам мира" о намерении с 20.10.82 объявить голодовку до получения выездных виз (Москва, август 1982).⁺¹

Открытое письмо шахматистам мира

Дорогие друзья!

Три с половиной года назад мы заявили о нашем законном желании эмигрировать из СССР. В выезде нам отказывают на абсурдном и незаконном основании - "нецелесообразно", но на 2 года нас лишили возможности играть, а в последнее время нас допустили играть в мизерном количестве и лишь в официальных советских турнирах. За это время мы были лишены всех видов возможных заработков.

Мы поняли, что добиться относительно нас выполнения советских законов не в наших силах, и поэтому с 20 октября 1982 года объявляем голодовку², которую прекратим только тогда, когда нам будут вручены визы на выезд из СССР. Уверены, что солидарность шахматистов других стран может спасти нас.

Экс-чемпион СССР,
международный гроссмейстер

Борис ГУЛЬКО³

Экс-чемпион СССР,
международный мастер

Анна АХШАРУМОВА³

⁺Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. Текст опубликован в газ. "Русская мысль", 28.10.82.
2. Б.Гулько начал голодовку 20.10.82, как указано; 23.10 присоединился Анатолий Волович, 46 л., химик, еврей-отказник, в 1967 чемпион г.М. по шахматам; А.Ахшарумова голодовку начала 1.11 (АП, Рейтер, ЮПИ, 1.11.82).
3. Б.Гулько и А.Ахшарумова - авторы АС №№4140, 4141, он - соавтор АС №4670, подписал АС №№4633, 4657.

АС №4745. Валерий Сойфер, профессор; Нина Яковлева, врач.
Обращение к шахматистам мира "Поддержите Гулько
и Ахшарумову!"
(Москва, август 1982).⁺¹

ПОДДЕРЖИТЕ ГУЛЬКО И АХШАРУМОВУ!

Во время, когда Анна АХШАРУМОВА и Борис ГУЛЬКО борются за одно из неотъемлемых прав человека и когда их жизнь в опасности, мы призываем шахматистов встать на их защиту. Благородный девиз вашей организации "Gens una sumus". Так можно ли спокойно играть с представителями страны, которая ставит шахматистов в такое положение?

Заставьте советские власти отпустить наших друзей!

Профессор

Валерий СОЙФЕР

Врач

Нина ЯКОВЛЕВА

⁺Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. Настоящий и следующий (АС №4746) тексты опубликованы в газ. "Русская мысль", 28.10.82, как один текст.

АС №4746. Валерий Сойфер, профессор; Нина Яковлева, врач.
Обращение к шахматистам мира и всем людям с
просьбой поддержать Б.Гулько и А.Ахшарумову,
Москва, август 1982.⁺

На правах близких друзей Ани АХШАРУМОВОЙ и Бориса ГУЛЬКО мы решили взять на себя смелость обратиться к шахматистам мира и всем людям с просьбой поддержать их в этот критический период жизни.

Решение о бессрочной голодовке – не желание поразить мир своей смелостью и не демагогическая уловка. Мы знаем, насколько это продуманное и жесткое решение. Год назад академик САХАРОВ и его жена добились ценой величайшего риска, при могучей поддержке всего мира, права на выезд из СССР их невестки. Позже были и другие голодовки в СССР. Теперь наступил черед Ани и Бориса.

Если мировая общественность останется безучастной к их шагу, если все, как один, люди мира, и шахматисты в особенности, не поймут их личной ответственности перед самими собой и не потребуют решительно от советских властей выполнения законного права на эмиграцию АХШАРУМОВОЙ и ГУЛЬКО, то эта голодовка окончится трагически. Не забывайте и о том, кто сейчас рядом с Аней и Борисом – о маленьком трехлетнем Давиде ГУЛЬКО, очаровательном малыше, доверчиво всматривающемся в мир своими ясными карими глазками.

Борис и Аня всеми силами боролись /едва ли не в одиночестве в СССР/ за выезд из страны семьи КОРЧНОГО и добились /вместе с другими!/ их выезда. Теперь настала пора всем сообща бороться за их свободу.

Не оставьте их сейчас, и да хранит Господь их здоровье и силы!

Профессор Валерий СОЙФЕР
Врач Нина ЯКОВЛЕВА

В.Сойфер¹
Яковлева¹

Москва
август 1982

⁺Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.